

Посидев немного, Клейн поднял руку, потёр виски. Затем встал, сделал четыре шага противосолонь и поднялся над серым туманом.

Там вызвал колдовством Германа Воробья. Молясь мистеру Шуту, тот отправил послания Деницу и Отшельнику-Каттлее.

Послание первому напоминало ему остерегаться Тайного Ордена. Хотя Клейну не верилось, чтобы Заратул стал непосредственно выискивать Деница, человека, чьи пути пересеклись поверхностно с Германом Воробьем, всё равно никак не повредило бы Деницу напомнить. Клейн, как Странный Колдун, имел некоторое понятие о Потусторонних пути Провидца. Был уверен, что те, кто на самом деле смог продвинуться до такого состояния, были достаточно осмотрительны и осторожны. Это не исключало неких странностей и неровностей, и уж явно не исключало Заратула, что был на Последовательности 1.

А в такой ситуации, в глазах ангела, заправляющего немалым количеством тайн, Дениц больше походил на приманку, намеренно брошенную некоторым целям. Следовательно, было весьма вероятно, что Заратул его будет очень осмотрительно и тщательно избегать. В крайнем случае, пошлёт членов Тайного Ордена на какие-то прямые или косвенные расследования.

По той же логике и в послании Клейну Отшельнику-Каттлее сообщалось о том же. Но не это было сутью. Суть была в просьбе к Каттлее, чтобы она немедленно связалась с Королевой Тайн Бернадетт и сказала, что Герман Воробей хочет увидеться с той, как можно скорее. К тому же Клейн отправил сообщение Адмиралу Звёзд, которое хотел отложить до следующего Собрания Таро, о том, что ей надо было решить, собирается ли она покупать Последовательность 5 – Друида и Последовательность 4 – Металлурга пути Садовника.

...

На запад от Моря Берсерка, остров Терос.

Дениц, собиравший улики, указывающие на Контр-адмирала Болезней, держал в руке стакан золотистого пива, и тут внезапно сделал очень-очень непростое лицо.

– Что такое? Ты кого-то видел и припомнил встречу, какую и словами не описать? – Андерсон встряхнул бутылку хмельного Ланти, что держал в руке, и стал дразнить Деница, с которым творилось что-то из ряда вон выходящее.

Дениц отхлебнул пива, вытер рот тыльной стороной ладони, и только тогда сказал несколько удручённо:

– Мы должны отныне остерегаться членов Тайного Ордена...

С тех пор, как повстречал Германа Воробья, такие слова для Деница были не редкость. Его самой первой реакцией стала паника, и тут же она перешла в оцепенение и подавленность.

Он подозревал, что однажды войдёт в списки разыскиваемых всевозможными организациями, от мелких до самых крупных, кроме организации мистера Шута.

Андерсон, услышав это, смерил Деница взглядом и усмехнулся.

- Иногда мне кажется, что Герман Воробей больше похож на охотника, чем я. Хе, так у вас с ним какой-то особый способ связи, даже посланника вызывать не надо.

Дениц собрался было пробормотать что-то в ответ ради приличия, и тут в таверну вбежал человек из Интиса. Держа в руке телеграмму, он прокричал:

- Фейсак устроил воздушный налёт на Бэкленд, Лозн официально объявил войну!

- Объявил войну? - Андерсон и Дениц переглянулись. При помощи признаков своего пути они остро почуяли, что пахнет действительно полномасштабной войной.

- Фейсак напал на Бэкленд и гавань Притц, и в ответ Лозн официально объявил войну... Три флотилии броненосцев были не в гавани, потому потерь было немного. Они направляются обратно к берегу Лозна... Так случилось, что экипаж Каттлеи проходил остров Орави, и они собрали всевозможные сведения телеграммами.

Едва задумавшись о том, как реагировал бы в такой ситуации пиратский экипаж, Каттлея вдруг увидела безбрежный серый туман и услышала голос Мира - Германа Воробья.

- Остерегайтесь членов Тайного Ордена. Остерегайтесь Заратула... - Внимание Каттлеи, как человека с какой-то долей интисской крови в жилах, захватило нечто наименее важное.

И именно из-за этого у Адмирала Звёзд не осталось сомнений о просьбе Мира встретиться с Королевой как можно скорее. Каттлея уверена была, что это связано с Тайным Орденом и Заратулом.

Наконец Каттлея тихонько проговорила названия двух зелий:

- Друид... Metallург...

Современным наименованием этой Последовательности 4 должно быть Древний Metallург.

Прежде она называлась Metallург-Человек...

Каттлея бессознательно прошла к окну, устремила взгляд вниз. Пока проходили этими морями, в другом часовом поясе, нежели Бэклэнд, Фрэнк Ли и Ремесленник Сильф, прислонившись к борту, принимали солнечные ванны. У первого на лице было беззаботное, расслабленное выражение, выглядел он весьма довольным, но в глазах сквозила задумчивость, словно оставались ещё какие-то нерешённые задачи. У второго же лицо было бледно, а губы чуть дрожали. По его одежде были рассыпаны грибы.

- Друид... Metallург... - Адмирал Звёзд про себя снова повторила эти названия, чувствуя, как будто что-то давит на неё.

Секунд через десять Каттлея, как следует, поправила тяжёлые очки на переносице и стала себя утешать.

- Мистер Шут не давал никаких предостережений. Значит, не такое уж это серьёзное дело...

На этой мысли Каттлеи стали слетать с высоты, паря, яркие световые пятнышки, и образовали лестницу из света между окном капитанской каюты и палубой.

Каттлея спустилась по лестнице и подошла к Фрэнку Ли и Сильфу.

Помолчав несколько секунд, спросила:

- Фрэнк, какие у тебя мечты?

Только тогда Фрэнк понял, что пришла его капитан. Оттолкнувшись ладонью, он резво вскочил на ноги.

- Мечты?

Он со всей серьёзностью задумался над вопросом и сказал:

- Я бы хотел иметь возможность изучать почву, создание различных объектов и техники скрещивания без ограничений, чтобы обеспечить человечеству жизнь без голода. Будет достигнуто равенство между людьми. Что можете делать вы, могу делать и я. Что вы можете вырастить, могу вырастить и я...

Услышав это, Ремесленник Сильф медленно поднялся и тихо опустил на корточки в сторону, открыл рот, и его стало рвать.

Фрэнк продолжал, ничуть этим не впечатлившись:

– Чтобы построить такой мир, нужно иметь достаточные продовольственные и прочие запасы, поэтому я надеюсь создавать всевозможных существ, которые могут справляться с любой средой и условиями. Хе-хе, у каждого свои склонности. Я предпочитаю рыбу, говядину и споры...

Каттлея с безразличным, ничего не выражающим лицом дослушала рассказ Фрэнка, но в это время подряд три раза поправила толстые очки на носу.

На мгновение замолчав, Каттлея спросила:

– В твоём исследовании осталось пройти ещё только одну ступень?

– Верно. Не хватает мне только способности Друида для катализации процесса. Если не достану формулу, то попрошу Сильфа, чтобы помог мне сделать из признака Потустороннего Друида, который у меня есть, мистический предмет, – честно отвечал Фрэнк.

– Нет, не буду я тебе помогать! Дьявол ты! – Ремесленник Сильф, которого беззвучно рвало, поднимал голову и нервно вскрикивал.

Каттлея тихо и спокойно взирала на это. Взмахнув рукой, достала золотую монету.

Дзынь!

Монета взлетела, перевернулась, и опустилась Каттлее в ладонь решкой вверх.

– У меня есть формула зелья Друида. Она от Германа Воробья, и стоит она пять тысяч фунтов, – разъяснила Каттлея, словно намеренно сообщая Ремесленнику Сильфу, кто истинный “убийца”.

В глазах Фрэнка тотчас засияла чистая радость.

– Такой он славный парень! Э-э, Капитан, я накопил только три тысячи фунтов. Вы не могли бы одолжить мне две тысячи?

Большая часть его прежних накоплений пошла на признак Потустороннего Друида, и Фрэнк даже продал кое-что из своих предметов.

Каттлея вновь замолчала. А через несколько секунд под выжидающим взглядом Фрэнка кивнула.

- Хорошо.

...

Северный округ, клиническая больница при Бэклендском медицинском университете.

Юдора лежала на постели с безразличным, бессмысленным выражением лица, и не было в ней уже той живости, какая бывает в молодых девушках.

Юдора вышла из комы какое-то время назад, но ещё не открывала глаз. И потому слышала, как доктор говорит её родителям, что ранение правой ноги, полученное во время воздушного налёта, скорее всего, неизлечимо, и им нужно готовиться к процедуре ампутации.

После этого Юдора лежала как в дурмане, и ей казалось, что рядом ходит туда-сюда друг за другом множество людей. Среди них была особа, сначала навещавшая только студента в палате по соседству - директор Лоэнского благотворительного фонда Одри, и она, услышав о Юдоре, изъявила желание оплатить её дальнейшее лечение. Ректор университета, мистер Портленд Момент, пообещал создать для Юдоры по последнему слову техники удобный роботизированный протез, чтобы могла ходить как нормальный человек.

Но ничто из этого не развеяло мрак, тягость и отчаяние на душе у Юдоры.

Ей не было и восемнадцати, и всё наслаждение красотами жизни было впереди, но теперь девушка готовилась лишиться ноги и распрощаться со своими мечтами.

Семью Юдоры нельзя было назвать богатой. Отец девушки был владельцем бакалейного магазина, верующим в Повелителя Штормов. То был резкий, агрессивный, варварского нрава мужчина, не желающий мирно договариваться с женщинами. Мать Юдоры была застенчивой, боязливой, слабой, и полностью полагалась на отца, не способная без него выжить. Не будь в семье второго ребёнка, Юдора вовсе не смогла бы учиться. Но несмотря на это, отец выбрал такое место, как Бэклендская техническая школа, где можно было быстро увидеть результаты.

Прежде Юдора с восторгом отзывалась о том, как ей повезло, что Бэклендскую техническую школу превратили в Бэклендский Технологический Университет, да к тому же, что сдала экзамены и стала настоящей студенткой университета. От этого у Юдоры на лице во всякий день сияла улыбка, и девушка заражала радостью людей вокруг, да ещё и находила время, чтобы предаваться своему увлечению поэзией.

Мечтой Юдоры было остаться в университете, стать там преподавательницей, а заодно найти мужа, который любил бы её так же, как она любила его. И одновременно иметь возможность постоянно оставаться верной своим устремлениям и поискам в поэзии, надеясь, что её стихи когда-нибудь будут публиковаться в журналах и газетах.

А теперь всё это было разрушено упавшей с неба бомбой. С беспощадной жестокостью разрушено.

Прошло неизвестно сколько времени, и Юдора тихонько подтянула одеяло, прикрыла лицо. Издала негромкий всхлип, похожий на вскрик какого-нибудь зверёныша.

Какое-то время Юдора плакала и не могла остановиться. Чуть погода вдруг подняла одеяло и увидела, что у её кровати стоит чёрная фигура.

Половина лица у чёрной фигуры была поросшая грибами, а другая половина – сорной травой. В руке фигура держала деревянную трость.

Юдора не могла даже закричать. Чувствовалось, будто у неё сердце вот-вот выскочит из груди.

Чёрная фигура тронула Юдору кончиком трости.

Юдора почувствовала, что сердце её успокаивается, снова бьётся ровно, как обычно, а в левой ноге ощутила холод, словно к ней возвращалась чувствительность.

Когда Юдора вновь посмотрела в бок кровати, черного силуэта там больше не было.

Ошалевшая Юдора подвигала правой ногой и поняла, что это совсем не больно. Словно и не была ранена вовсе.

Юдора снова натянула на себя одеяло, прикрыла лицо.

Через несколько секунд она что-то недоверчиво пробурчала под одеялом. Голос её был полон страха, но одновременно мешался с плачем, и то были слёзы радости.